

Александр Богданенков
(Минск)

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ПЕРЕВОДАХ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ КАК ОРИЕНТИР НА ВЫСОКУЮ КУЛЬТУРУ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (на примере Быт. 2:23)

Словно дрожь между сердцем и сердцем,
Есть меж словом и словом игра.

Б. Ахмадулина

Священное Писание, в особенности та его часть, которая написана на древнееврейском и древнеарамейском языках, преизобилует игрой слов. Важно отметить, что данная фигура речи, богато используемая богодухновенными авторами Слова Божьего, не тождественна каламбуру современного литературоведения. Имея сходную с ним фонетическую и семантическую природу, она не ограничивается его юмористической функцией. Природа библейской игры слов, несомненно, более богата, глубока и многогранна, поскольку её источником является *Deus ludens*¹. Неудивительно, что веселящаяся/танцующая/играющая Премудрость², пособница Бога в деле творения, является себя схожим образом и в словах Священного Писания.

Франциск Скорина этот элемент игры заметил. Об этом недвусмысленно свидетельствует, во-первых, его перевод Притч. 8:30: «И потешахся повся дни веселяся прэднимъ, вовсехъ врѣменехъ тыхъ, играючи повсеи вселенне земли»³, и, во-вторых, многие

¹ Здесь я использую термин, предложенный известным немецким богословом Хуго Ранером. В своей книге «Играющий человек», которая увидела свет десять лет спустя после выдающейся работы голландского культуролога Йохана Хейзинги «*Homo ludens*» («Человек играющий»), он рассматривает природу Бога как Бога играющего.

² См.: Притч. 8:27–31.

³ А вот Острожская библия этот элемент игры упускает: «азъ бѣхъ радовашеся на всякъ же деньъ веселяхся предъ лицемъ его въ всяко время», упускают его и многие другие восточнославянские переводы, как древние, так и современные.

другие его переводческие решения, в число которых входит Быт. 2:23.

Соприкосновение переводчика с игрой слов зачастую оканчивается капитуляцией первого, поскольку ни один язык-реципиент не в силах передать все тонкости и всё многообразие другого языка, в особенности игру звуков-смыслов. Такому явлению давно уже поставлен диагноз: неперевоаемая игра слов. Однако и здесь бывают свои исключения.

С самых первых слов Библия приглашает нас стать соучастниками таинственной и увлекательной словесной игры. Но если мы читаем Священное Писание в переводе, то волшебное взаимодействие звуков и смыслов ускользает от нашего слуха. Словосочетание «в начале сотворил»¹ хотя и является эквивалентным переводом древнееврейского בָּרָאִתְּ בָּרָא (берешит бара)², но, тем не менее, в нём нет той игры-аллитерации, которая есть в тексте оригинала. Страницы Библии буквально испещрены поэтической фонетикой: анаграммами, ассонансами, аллитерациями, различными тропами, а также другими стилистическими, синтаксическими и композиционными фигурами, и одна из задач переводчика состоит в том, чтобы познакомить своих читателей с этой игрой.

К примеру, на протяжении первых двух глав книги Бытие мы встречаем с десяток любопытных перешептываний, которые переводчик должен попробовать приручить:

- ✓ תוֹחַ וָבוֹהוּ (тоху вавоху) – «безвидна и пуста»³;
- ✓ הַשָּׁמַיִם הַמַּיִם (хамаим ... хашамаим) – «вода ... под небом»⁴;

¹ Быт. 1:1. Здесь и далее все тексты Священного Писания, кроме специально оговоренных, приводятся по Синодальному переводу.

² Следует отметить, что древнееврейский алфавит является алфавитом консонантного типа. Огласовки и акцентные знаки были созданы масоретами в эпоху средневековья. В первых двух словах Библии בָּרָאִתְּ בָּרָא (бршт бр) три начальные буквы (бэт-рэш-алеф) идентичны.

³ Быт. 1:2. Скорина добивается некоторой созвучности слов при переводе данного словосочетания: «неплодна и неукрашенна», для сравнения в Острожской библии это звучит менее созвучно: «невидима и неукрешена». Очень любопытный эквивалент предлагает Современный перевод Библии РБО: «пуста и пустынна».

⁴ Быт. 1:9. Возможно, во имя созвучия, стоило попробовать перевести это место: «воды ... под небосводом».

- ✓ וַיִּמֶן הַיָּם (хамаим ... ямим) – «вод ... морями»¹;
- ✓ וַיִּשְׂרַץ יִשְׂרָאֵל (ишрэцу ... шэрэц) – «произведёт ... пресмыкающихся»²;
- ✓ וַיִּעֹף יְעֹפֶף (вэоф йофэф) – «птицы полетят»³;
- ✓ הָאָדָם הָאָרְצִי (хаадам ... хаадама) – «человека ... земного»⁴;
- ✓ הָאָרֶץ אֲרָוִם (арумим ... арум) – «наги ... хитрее»⁵.

Однако наиболее выразительный случай игры слов в изложении истории творения мы встречаем в поэтических строках Быт. 2:23. Библейский текст рассказывает нам, как Адам, увидев сотворённую из его ребра женщину, воскликнул:

וְזֹאת הָעֵצָה	Вот, это
עָצָה מֵעֲצָמַי	кость от костей моих
וּבָשָׂר מִבָּשָׂרִי	и плоть от плоти моей
לִזְאֵת יִקְרָא אִשָּׁה	она будет называться женою,
כִּי מֵאִשׁ לִקְחָהּ זֶה	ибо взята от мужа.

Этот небольшой поэтический отрывок прекрасно организован, как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Математическая гармония синтаксической структуры, состоящей из пяти строк, представляет собой три биколона и два триколона, облечённых единой рамочной конструкцией, начинающейся и заканчивающейся одним и тем же словом.

¹ Быт. 1:10.

² Быт. 1:20. Интересно звучит длительное повторение фонемы [д], и в переводе Скорины: «да расплодить воды гмызы душъ живыхъ», и в Острожской библии, перевод которой делался с оглядкой на труды Скорины: «да ѡзведуть воды, гады дшѣ живыхъ». Главным отличием второго перевода от первого, как с фонетической точки зрения, так и с лексической, является замена богемизма «гмызы» (старочешское «hmyz») на более привычное «гады».

³ Быт. 1:20. Очень удачно передаётся эта игра слов в Септуагинте: πετεῖναι πετόμενα.

⁴ Быт. 2:7. Данный случай следовало бы переводить по аналогии «снег – снеговик», однако вряд ли созвучие «земля – землевик» можно было бы считать благозвучной заменой игре слов в оригинале.

⁵ Быт. 2:25–3:1. Переводчики Острожской библии с целью не разделять Быт. 2:25 и 3:1 ввиду очевидной связи слов «голый – мудрый» переместили Быт. 2:25 на место Быт. 3:1.

Риторическая структура стиха тоже довольно-таки интересна. Вторая и третья строки, а также четвёртая и пятая это параллелизмы. Что касается первого параллелизма, то здесь всё очевидно: словосочетания «кость от кости» и «плоть от плоти» являются синонимичными и подчёркивают идею близости и родства¹. Второй параллелизм, обогащённый хиастической структурой и игрой слов, сокрыт от русских читателей. Ни современные переводы, ни древние переводы, ни Захарьинский паремийник, написанный в Пскове в 1271 г., в состав которого входили первые десять глав книги Бытие, не отражают эту важную особенность текста оригинала. А вот Франциску Скорине удалось решить эту проблему. Белорусский просветитель предложил такой вариант перевода, который обнажил и параллелизм, и хиазм, и игру слов, присущие еврейскому тексту. Вот что у него получилось:

Сия нынэ кость Ѡкостей моихъ иплоть Ѡплоти моеѧ сия наречеться мужатая понэже Ѡмужа взята естъ	Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моеѧ она будет называться женою, ибо взята от мужа.
--	--

Вместо более привычного для русского уха слова «жена», которое использовалось в данном тексте в Захарьевском паремийнике за два с половиной столетия до Скорины и в Острожской библии шестьдесят с лишним лет спустя, белорусский переводчик употребил другое слово – «мужатая». Такое переводческое решение убило одним выстрелом сразу двух зайцев: во-первых, благодаря этому отразилась игра слов, присущая еврейскому тексту, **יִשְׁשָׁא** **יִשָּׁא** (ишша ... иш) было передано равносильным ему эквивалентом «мужатая ... мужа» и, во-вторых, это помогло сохранить имеющийся в оригинале параллелизм. Однако на такую экстраординарность Скорина решился лишь в данном тексте, во всех остальных случаях он переводит **יִשְׁשָׁא** (ишша) более привычным словом «жена»².

¹ Ср. Быт. 29:14; Суд. 9:2; 2 Цар. 5:1, 19:13–14.

² В этом смысле очень интересна традиция англоязычных переводов. KJV (1611 г.) предлагает следующий вариант: «she shall be called Woman, because she was taken out of Man». Во-первых, слово «woman» восходит к слову «man» и имеет значение «wife of man», и, во-вторых, оно становится постоянным эквивалентом для перевода древнееврейского **יִשְׁשָׁא** (ишша).

Подход Франциска Скорины к Быт. 2:23 не был в широком смысле слова новаторским, подобное переводческое решение уже существовало в мировой практике перевода Библии, однако в восточнославянской культуре Скорина стал первым, кто превратил такую возможность в реальность¹. Хорошим подспорьем в этом деле стал опыт перевода и издания чешской Библии в Венеции (1506 г.). Именно Священное Писание на чешском языке стало образцом, с которым белорусский просветитель сверял свою работу, чешская Библия подсказала Франциску столь нужное для него слово.

сия наречеться мужатая понэже отъ мужа взята есть	tato bude sluti muyatka, nebo z muye wyniata jest
--	--

И всё же, нужно заметить, что людям посполитымъ, которым адресовал свои издания Скорина, слово «мужатая» должно было быть знакомо. Будет ошибкой, если мы запишем его в ряд богемизмов, которые были заимствованы Скориной из чешской Библии. По всей видимости, данное слово входило в состав общеславянской лексики, и было свойственно как западным, так и восточным славянам. Существительное «мѣжатица» впервые упоминается в «Изборнике» Святослава, относящемся к 1076 г., а прилагательное «мужатая» мы впервые встречаем в древнерусском сборнике изречений «Пчела», который был написан не позже XIII в. Однако к началу XVI в. использование этих слов стало диалектной особенностью северо-восточных земель Великого Княжества Литовского и Псковской республики. В пользу такой локализации свидетельствует Первая Псковская летопись, Послание игумена Памфила, входящее в состав Первой псковской летописи и публицистическое произведение «Правительница. Наставление в землемерии царям» принадлежащее перу самобытного русского писателя Ермолая-Еразма, жившего в 40-е годы XVI в. в Пскове. Таким образом, получается, что все памятники старорусской литературы, на чьих стра-

¹ Опыт Скорины был учтён в Радзивилловской Библии (1563 г.), первой полной Библии ВКЛ, изданной по инициативе Николая Радзивилла Чёрного в Брестской типографии: *Toć teraz jest kość z kości moich i ciało z ciała mojego, a dlategoż ona będzie nazwana mężatką, bo jest z męża wzięta.*

ницах мы встречаем слова «мужатая» и «мѣжатица», так или иначе связаны с псковской землёй, южные границы которой соприкасаются с полотчиной, родиной Франциска Скорины.

Если изданная в Венеции чешская Библия была для белорусского переводчика и издателя современным образцом, то образцом античности, на который в своей деятельности равнялся восточнославянский просветитель, была, конечно же, Вульгата, перевод Библии на латинский язык, сделанный великим библеистом древности Иеронимом Стридонским. Прекрасный знаток золотой латыни, хорошо знавший произведения греческих классиков: Гесиода, Софокла, Геродота, Демосфена и Аристотеля, владевший еврейским «гораздо лучше, чем Ориген, Ефрем Сирин и Епифаний – единственные, кроме него, отцы Церкви, знакомые с этим языком» [3, с. 357] – Иероним, как отмечает Брюс Мецгер, «действительно был компетентнейшим учёным своего времени» [3, с. 375]. В общем, если кто-то и мог в западном мире стать достойным примером для подражания, то это был Иероним! Именно на его перевод Священного Писания и обращает своё пристальное внимание Франциск Скорина.

Будучи сторонником свободного перевода (лат. *ne verbum e verbo, sed sensum ex sensu*) Иероним в своей переводческой деятельности стремился следовать в большей степени смыслу, нежели букве, однако работа по переложению Слова Божьего, как свидетельствует сам библеист, не укладывается в прокрустово ложе динамического перевода: «Ибо я не только признаю, но и в полный голос заявляю, что в переводах с греческого (исключая Священное Писание, где даже порядок слов есть некая тайна) я передавал не слово словом, а смысл смыслом» [2, с. 107].

В перевод древнееврейского **יִשְׁשָׁא** (ишша) Иероним привносит лёгкий толковательный элемент. Когда речь идёт о женщине, в смысле жена мужатая, мѣжатица, **סְבִירְתָּא** Иероним переводит **יִשְׁשָׁא** (ишша) латинским словом «uxor» – жена, супруга¹, когда же прямой отсыл к замужеству отсутствует, он использует слово «mulier» – женщина, замужняя женщина². Однако при переводе Быт. 2:23 Иероним прибегает к слову «virago». Вот как сам переводчик объясняет своё решение: «В греческом и латинском

¹ См. Быт (Vulgata). 2:24,25; 3:8,17,20,21.

² См. Быт (Vulgata). 3:1,2,4,6,12,13,15,16.

текстах¹ не представляется ясным, почему она будет называться женой из-за того, что взята от мужа. Но в еврейском тексте этимология сохраняется. Потому что муж звучит как *иш* (יִשׁ), а жена, как *ишша* (יִשָּׁה). Таким образом, от *иш* совершенно справедливо жена была названа *ишша*. Поэтому и Симмах прекрасно сохранил этимологию даже в греческом переводе. У него говорится: «Она будет называться ἀνδρὶς ὅτι ἀνδρὸς ἐλήφθη». По-латыни я бы сказал это так: «Она будет называться *virago*, потому что взята от *viro*» [1, с. 43].

Сия нынѣ кость ѿкостей моихъ иплотъ ѿплоти моеѣ сия наречеться мужатая позѣже ѿмужа взята естъ	Hoc nunc os ex ossibus meis et caro de carne mea haec vocabitur virago quoniam de viro sumpta est
--	---

Таким образом, мы видим, что Франциск Скорина, желавший дать Слово Божье простым людям на понятном им языке, во-первых, ориентируется на современный ему опыт чешских коллег, подготовивших к изданию третью чешскую Библию², а, во-вторых, обращается к Вульгате, одному из самых великих переводов древности. Белорусский переводчик и печатник стремится преподнести Священное Писание своим землякам во всей его красе, подобно Иерониму Блаженному, он дорожит как смыслом Божьих Слов, так и их формой. «Иже безъ страху бѣия, – пишет Скорина в предисловии к книге Притчей, – безмудрости и бездобрыхъ обычаев неестъ мощно почстиве житии людемъ посполите наземли».

В просветительской деятельности белорусского первопечатника соединяются самые яркие черты западноевропейского ренессанса, вот только за главный образец он берёт не светил латинской литературы: Вергилия, Овидия или Горация и не великих представителей древнегреческой культуры: Гомера, Эсхила

¹ Речь идёт о старолатинском переводе, в котором для перевода древнееврейского *יִשָּׁה* использовалось слово «mulier», и Септуагинте, древнегреческом переводе, где это слово переведено «γυνή».

² Чешская Библия изданная в Венеции в 1506 г. стала третьим переводом Священного Писания на чешский язык, после Пражской (1488) и Кутногорской (1489).

или Аристотеля, – в качестве ориентира и двигателя Возрождения Франциск Скорина выбирает Библию, потому что, как сам он пишет в предисловии к Слову Божьему: «Святое писмо все иные науки превышает понеже егда бывает чтено подпростыми словы замыкает тайну».

Литература

1. *Иероним*. Еврейские вопросы на книгу Бытия. М., 2009.
2. *Иероним*. К Паммахию о наилучшем способе перевода // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. М., 1998.
3. *Мецгер Б.* Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. М., 2002.

Summary

Bogdanenkov A. Poetic figures in the translations of Francis Skaryna as a guide to the high culture of the Renaissance (for example, Gen. 2:23)

The article discusses the distinctive nature of the educational activities of Francysk Skaryna. Based on a detailed literary analysis of the biblical text and its early translations, the author reveals the translation phenomenon of the Belarusian pioneer printer, and also outlines the formation and implementation of Skaryna's translation strategy aimed at both the transfer of meaning and the translation of poetic figures.